

Валентин Кумарин

МАКАРЕНКО, КАКОГО МЫ НИКОГДА НЕ ЗНАЛИ, или Куда реформировать школу

Деловые люди в ГДР

В начале 1969 года меня неожиданно пригласил на беседу Владимир Михайлович Хвостов, только что избранный первым президентом АПН СССР (!). Повод для приглашения дал автореферат моей кандидатской диссертации «Теория А.С. Макаренко и пути её эффективного применения в современной школе» — не знаю, каким образом, но он попал президенту на глаза. Владимир Михайлович озадачил меня первой же фразой:

— Вы написали хорошую работу и у вас будет много противников. Вам необходима поддержка. Хотите работать в моём аппарате? Будете руководить группой референтов...

Я абсолютно был не склонен к канцелярскому делу и попытался вежливо отказать. Сослался на то, что диссертацию ВАК ещё не утвердила и отправила её на «доследование» сразу двум «чёрным оппонентам». Но этот аргумент Владимир Михайлович отвёл:

— Это можно уладить. Не беспокойтесь. А для науки у вас и здесь будет время. Ну, как?

Ответить отказом стало невозможно и я согласился. Через пару месяцев я решился показать президенту первый плод моей научной работы, для которой я действительно получил все возможности. Это был тот самый проект школы-комплекса с чертежами и описанием. Дня через три Владимир Михайлович дал ответ:

— Тут я бессилён. Министр с вами не согласен. У него другая точка зрения. Вы знаете, какая. Но выход есть: вас наверняка поймут в ГДР. Отвезёте моё приветствие годовичному собранию Центрального института педагогики, а заодно и выступите от моего имени. С директором института я договорился.

Не стану рассказывать о том, как приняли мой доклад учёные ГДР, как я дважды встречался по этому вопросу с Маргот Хонеккер, как специалисты из управления архитектуры и строительства испытывали у меня мельчайшие педагогические детали. Важно другое. Ровно че-

рез год меня прямо из аэропорта доставили «Волгой» в небольшой городок (97 км от Берлина) Коттбус, где я впервые увидел, как мой проект воплотился в прекрасную природосообразную реальность. На огромном пустыре, расчищенном английскими бомбами, буквой «Н» расположились два трёхэтажных учебных корпуса — каждый на 600 детей — связанных переходом на уровне первого этажа. За ними слева — стадион с беговыми дорожками, а справа — плавательный бассейн, накрытый надувной полусферой из плотной серебристой ткани. На случай «демографического взрыва» была зарезервирована площадь для третьего здания.

Я долго беседовал с обоими директорами, учителями и с детьми, благо что переводчик не требовался. И взрослые, и дети очень гордились, что проект «советского товарища» реализован в ГДР раньше, чем на его родине. Это было в 1971 году. В 1972 году, изучив информацию с мест о достоинствах моего изобретения, Маргот издала приказ, предписывавший во всех округах рассчитывать школьное здание не больше, чем на 600 человек, а если детей больше, то строить школу-комплекс. Самый большой комплекс — из 4-х автономных школ — мне показали в 1977 году в новом микрорайоне Ростока, главного портового города бывшей ГДР. До сих пор помню его название — Лихтенсхаген.

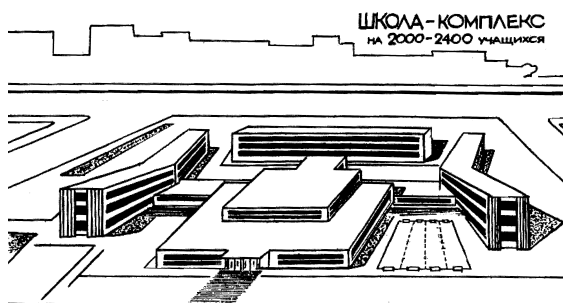
А у нас продолжались дискуссии. В 1989 году с трибуны Первой сессии Верховного Совета СССР выступал директор Обхячевской средней школы Прилузского района Коми АССР Г. Черных. Его выступление я привожу полностью и сейчас вы увидите, почему: «Мы говорим о гуманизации общества в целом в нашей стране. Но гуманизация эта не пойдёт до тех пор, пока будем обучать детей в таких школах, сельских и городских, где численность учащихся превышает более чем 1300 человек. Всё человеческое, всё доброе выхолащивается в этих школах. Мы не можем дойти до каждого ребёнка. Мы с удовле-

творением (и думаю, что и все депутаты) воспринимаем возрождение церкви, через которую происходит возрождение и русской культуры в том числе. Так вот, церковь быстрее встанет на ноги, чем школа, потому что она твёрдо знает, что нужно влиять именно на каждого человека (курсив мой. — В.К.). Точно так же и мы, учителя, должны именно сегодня найти способы повысить степень влияния на каждого ученика. А в школах-гигантах, которые продолжают строить, этого не произойдёт¹.

А я, возвратившись из Киева опять в Москву, продолжал «воевать», наживая в ближайшем «научном окружении» всё больше недоброжелателей. Причина была всё та же: признать *собственно воспитание* и дать ход моему изобретению означало отказаться от «воспитывающего обучения».

В 1987 г. проект «школа-комплекс» Антона Макаренко наконец-то появился и на полосе «Учительской газеты». И опять были одобряющие отклики с мест, которые ничего не решали, и опять были наробраз и АПН в их излюбленной позе, изображавшей фигуру умолчания.

Картинка в «Учительской газете» выглядела так:

педагогическое основание В.В. Кумарин
архитектор С.И. Пастухов
художник Б.Н. Атлантов.

Рис. 1.

А слева от неё и под ней разъяснялось, что те же 2000 и более детей очень легко разместить в трёх, четырёх и даже пяти самостоятельных школах на 600–640 человек. Для *собственного воспитания* — неограниченный простор: что ни директор, то Макаренко. Обучение тоже не в накладе: учителя-предметники свободно пере-

мещаются по всему комплексу, набирая себе «нагрузку».

Архитектурное ядро комплекса — общий блок. В нём спортзалы, библиотека, помещения для работы над учебными предметами, которые дети выбирают сообразно своим способностям и с прицелом на конкретную трудовую нишу, столовая, кафе и т.п.

Руководят комплексом административный директор (бухгалтерия, отопление, освещение, школьное оборудование, питание, отдых, развлечения и т.п. и т.д.). Директора школ (Макаренко!), которых административный директор разгрузил от хозяйственных забот, сосредоточиваются на собственно воспитании, «слепо» (!), без «творческой» отсебятины копируя методику Макаренко, памятуя о том, что хорошая копия во всех случаях полезнее, чем плохой «оригинал», т.е. «творческая» отсебятина. Само собой разумеется, что как только методика Макаренко будет исчерпана, а я в этом сильно сомневаюсь, можно замахнуться и на что-то более эффективное, в чём я сомневаюсь ещё больше.

Ущемил право на творчество? Обидел недоверием? Но разве строгое, точное следование предписаниям технологии, которая гарантирует наивысший успех, — это не творчество? Ещё какое! Работа по науке, а не по так называемому «передовому опыту» требует такого напряжения мысли, такой изобретательности, такой настойчивости, такого твёрдого характера и такой независимости суждений, что нетворческий человек, привыкший действовать как чеховский «Злоумышленник», методику Макаренко никогда не потянет.

Ещё несколько слов о выгодах комплекса, который, кстати сказать, ни на грош не дороже школы-гиганта. Почему бы, к примеру, в одном из школьных корпусов не разместить ПТУ, желательнее многопрофильное? Уверю вас, что от желающих не будет отбоя. Только, ради Бога, не объединяйте водопровод с канализацией: профессию с «общим развитием», с аттестатом зрелости. Этим гибридом поотбивали миллионы пар золотых рук, свели на нет бесценный профессионализм, без которого «экономическое чудо» — пустое мечтание. В США на каменщика

¹ Пора сворачивать с этого пути // Учительская газета, 1989, 10 августа.

учат шесть (!) лет, но «теория» одна — строить так, чтобы стояло как новый целковый тысячу лет! И «бабки» за такую работу не меньше, чем у академика. Культурный кругозор вовсе не в «государственном образовательном стандарте», а в книгах, которые хочется читать, в телепередачах, которые хочется смотреть, в общении с природой и т.п. И ведь как разумно: школьные друзья никуда не делись, в общем блоке все вместе, на школьном стадионе тоже. Никакой изоляции от прежнего образа жизни, никаких переживаний, тоски, ущербности. Но это всего лишь один пример, а сколько их может быть, если на самом деле служить *ребёнку*, а не чиновникам.

Сегодня все льют крокодиловы слёзы по поводу жуткой «невоспитанности» школьников. Москва, как известно, слезам не верит, но для крокодиловых сделано исключение. Ещё больше напирает на «воспитывающее обучение», вводит уроки религии, осваивает курс «граждановедения», подавая пример регионам. А недавно на нынешнем педагогическом Олимпе совершилась целая «революция». «НИИ развития личности» переименовали в «НИИ воспитания личности». Вот и перестроились...

Обратите внимание: опять вместо ребёнка «личность». Объяснить это постоянство можно лишь довольно прозрачным «научным» интересом: проверить, воспитан или нет *ребёнок*, можно в два счёта. Но как проверить воспитанность *личности*? Это же загадка сфинкса. Вот и волынят, морочат головы, наводняют педагогический рынок шарлатанскими «инновациями», вынуждают родителей нанимать репетиторов, которые штопают «государственный образовательный стандарт» как побывавший в употреблении мужской аксессуар.

Сначала слепо копировать и лишь потом двигаться дальше

Макаренко не был бы самим собой, если бы точно не знал, чем заканчиваются «творческие подходы» — сегодня их называют инновациями —

вообще, а в школе особенно. Поэтому всем, кто решится сегодня повторить его опыт и добиться таких же фантастических результатов, — а это вполне реально, поскольку главное он сделал, испытал и предъявил к серийному использованию, — следует в первую очередь вчитаться в каждую строчку его завещания-предупреждения, а точнее — делового наказа:

«Только *цельный* опыт, проверенный и в самом его протекании, и в *результатах*, только сравнение цельных комплексов опыта может предоставить нам данные для выбора и решения. Очень важно при этом, что здесь возможна одна *чрезвычайно опасная ошибка*. Я имел возможность наблюдать несколько попыток отбора такого цельного опыта и всегда при этом встречал и указанную опасную ошибку. Она заключается в том, что, принимая опыт в целом, участники отбора обязательно стараются внести в него *коррективы*, т.е. осуждают отдельные приёмы или вставляют дополнительные, новые, *собственного изобретения*. Нечего и говорить, что эти изменения производятся всё по тому же излюбленному методу *дедучированного средства* (т.е. посредством авторитарных этических догм: «наказание воспитывает раба», «коллектив подавляет личность», «государственный образовательный стандарт» гарантирует социальную справедливость — всем сёстрам по серьгам и многие другие шарлатанские приамбасы. — *В.К.*), иначе говоря, приводятся *без всяких оснований*. А между тем это приводит к *печальным результатам*. Нарушенная в своей органической цельности система делается *больной системой* и передача опыта оканчивается неудачей (курсив мой. — *В.К.*)².

Казалось бы, ясно: или «слепое копирование» и повторение успеха, или «творческий подход» и полный провал плюс чёрная тень на самую совершенную педагогическую технологию.

Само собой разумеется, что толковался «творческий подход» тоже «творчески». В обычном, общечеловеческом толковании творческий подход означает очень понятную и единственно разумную процедуру. Покупают, скажем, за большие деньги, технологию для изготовления джинсовой ткани, из которой шьются великолеп-

ные джинсовые портки, и начинают выращивать особый сорт хлопка, конструируют для этого особого сорта особые ткацкие станки с особо высокой плотностью набивки, строят особые цеха для особых станков, разрабатывают особые красители и т.д. Творчество проявляется в том, что умные головы изловчатся создать все условия для того, чтобы технология, за которую отвалили сотни миллионов баксов, могла проявить себя в таком конечном результате, который не уступает любой забугорной фирме. И так во всём, т.е. дополнительных хлопот полон рот, но все они преодолеваются.

Если же принципиально новую, суперэффективную технологию приспособить к наличным производственным условиям, допустим, «Лебединое озеро» станцевать не на сцене «Мариинки», а на сцене избы-читальни в деревне Гнилопёрровка (это название придумал не я, а Константин Дмитриевич Ушинский). И тут выход один: поставить посреди избы корыто с водой, запустить в него пару гусей, а местным гармонистом заменить симфонический оркестр. Именно эту разновидность «творческого подхода» называют «русской смегалкой». Именно эту разновидность «творческого подхода» применили к *собственно воспитанию*.

Вместо первичного коллектива — разновозрастного отряда — поставили класс. Директора, как главного зодчего коллектива, превратили в завхоза и администратора. Параллельное педагогическое действие подменили тошнотворным морализированием. Привычку выкинули как от-

рыжку бихевиоризма. Туда же отправили «гимнастику поведения». Требование отделили от уважения. Из наказания и поощрения выпотрошили всю макареновскую начинку. Совет командиров свели к учкому, а Общее собрание, бывшее в колонии и коммуне всесильным гласом народа, представили в обличье школьной линейки, перед которой раз в месяц кто-нибудь из начальства выступает с административной накачкой. Традиции? Игра в военизацию? Эстетика быта? Свободная мастерская? Труд? Управляемость? Про них вообще не вспомнили.

Когда стало ясно, что результат, который выдавали колония имени Горького и коммуна имени Ф.Э. Дзержинского, не получается, тут же нашли объяснение: для обычной школы технология Макаренко не подходит. То, что было хорошо для «того времени», для «того контингента» и для «тех исторических условий» в «наше время», для «этого контингента» и для «этих исторических условий», безнадежно устарело.

Сегодня страна потихоньку приходит в себя. Но школа, на которую навесили ярлык «консервативности» (как орденом наградили!), продолжает деградировать. Кто остановит это движение к пропасти? Кто вместо побрякушек для отвода глаз (12-летка, ЕГЭ и т.п.) займётся делом и вспомнит про бесценное наследие *нашего, родного, отечественного гения*? Ау, умные, энергичные, волевые директора школ! Закатывайте рукава и начинайте ради спасения детства переучиваться.

² Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 481–482.